

Андрей Белый

ВОСПОМИНАНИЯ
О ШТЕЙНЕРЕ

МЕМОАРЫ

УДК 82-94
ББК 83.3(2Рос=Рус)
Б43

Белый, А.

Б43 Воспоминания о Штейнере / А. Белый. — М. : T8RUGRAM.
— 402 с.

ISBN 978-5-519-63196-9

Андрей Белый (1880—1934) — известный писатель Серебряного века, поэт, критик, мемуарист, один из ведущих деятелей русского символизма и модернизма.

«Воспоминания о Штейнере» — удивительная книга, в которой излагаются основные положения антропософии немецкого философа-мистика. Объёмный анализ личности Рудольфа Штейнера как известного деятеля, глубокого человека, мудрого лектора и педагога будет интересен широкому кругу читателей.

УДК 82-94
ББК 83.3(2Рос=Рус)
ВІС FС
BISAC FIC000000

СОДЕРЖАНИЕ

Вступление.	5
Глава 1. Рудольф Штейнер, как деятель.	17
Глава 2. Рудольф Штейнер, как человек.	61
Глава 3. Рудольф Штейнер, как лектор и педагог ...	123
Глава 4. Ученики Рудольфа Штейнера.	187
Глава 5. Рудольф Штейнер и Дорнах.	253
Глава 6. Рудольф Штейнер в теме Христос.	343
Вместо послесловия.	397

ВСТУПЛЕНИЕ

1

В этих воспоминаниях я пишу о докторе¹ Рудольфе Штейнере только как о человеке; не об индивидууме, а о личности; я изучал материал его текстов; и я знаю: касание к ним есть огромный труд, долженствующий внятно раскрыть его методологию, его теорию знания; в них с беспримечной логически неопровержимой смелостью дана нам база огромной системы; но труд — лишь введение к трудам, посвященным его философии культуры, теории сознания, психологии, эстетике, философии истории и философии религии; в распоряжении моем нет спокойных годов (нет свободных часов!); философские мысли его дали некогда импульс мне и наложили печать на все творчество, двигая им четырнадцать лет; и тем не менее: я отдаюся не им.

И хотя я не знаю еще СОЧИНЕНИЯ, в котором бы отразился весь абрис его многогранных воззрений, однако не нам, современникам, выпала участь теоретически их отразить; пусть же очерк его философии зреет в годах; этот факт не смущает; теперь еще ученики его, или философы, холодно, со стороны глядящие на систему его воззрений, дать еще и не могут подлинного отражения воззрений; библиотека книг, посвященных Рудольфу Штейнеру, будет расти. И пока есть надежда, что весь материал текстов дан (может быть, библиотеки в скором будущем и погибнут) — пока есть надежда на текст — будем ждать: через десять, или через сто лет, — таки найдут понимание и отражение картины воззрений его.

Вот что не отразится, — так это личность, если она не будет сохранена в воспоминаниях тех сотен и тысяч лиц, которые остались ему обязаны; если они не закрепят своих воспоминаний о нем как бы им ни каза-

---

¹ Rudolf Steiner (1861 à Kraljevic en Hongrie aujourd'hui en Yougoslavie — 1925 à Dornach, Suisse) était docteur de l'Université de Rostock. Sa thèse de philosophie, intitulée *Die Grundfrage der Erkenntnistheorie mit besonderer Rücksicht auf Fichtes Wissenschaftslehre. Prolegomena zur Verständigung des philosophischen Bewusstseins mit sich selbst* (1891), parut en 1892 sous le titre *Wahrheit und Wissenschaft. Vorspiel einer «Philosophie der Freiheit»*.

Андрей БЕЛЫЙ

лись бессмысленными все усилия их отразить искрой огненный сверж этой личности, весь материал для живого восстания силуэта Рудольфа Штейнера для будущего пропадет. Вот что было бы преступлением перед человечеством, перед всеми теми, которые сами придут к нему в будущем. Долг его видевших хоть что — либо закрепить из того, что когда — то в их душах родило волнения преданности, удивления, любви.

ТОЛЬКО уважение и ТОЛЬКО благоговение будет подсказывать лукавые мысли: «Где мне отразить в воспоминании все то, чем нас волновал доктор?» Но ЛЮБОВЬ переступит через такое «ТОЛЬКО»; иным отразится она: «Более чем кто — либо знаю: не мне закрепить этот лик, точно сотканный светом, игрой лучей; его отразить на бумажном листе — дать пустой вовсе лист; и наверное знаю: десятки исписанных мною листов суть пустые листы; в них чернила невидимы; закрепление «ВОСПОМИНАНИЙ» — лишь град восклицательных знаков, эпитетов выпретенных. Может быть, в сотой странице останутся все же намеки на жест этой личности; ими оправданы груды сырых и пустых материалов, всех записей (всех нас!); из них наберется десяток, — другой полноценных страниц; история их отберет; сквозь дымку возникнет живой его лик».

Не удивление, нет, не обязанность и не согласие с «мировоззрением», меня подвигает к сырью материалов моих, а — любовь. ЛИШЬ ЛЮБОВЬ.

До сих пор, вспоминая года, проведенные около доктора Штейнера, вздрагиваю; и в душе — угловатый, смешной жест горячей любви, а не сентиментальности, требующей «совершенств»; любовь мучит, волнует, живет, исторгает подчас восклицания горечи, непонимания! Спрашиваю я себя: с чем сравнить это чувство? Сравнение одно: так же я люблю мою Родину; эта любовь исторгала когда — то во мне слова горькие, когда судеб моей родины не понимал я. Тогда я писал:

Туда, где смертей и болезней Лихая прошла колея, — Исчезни в пространства, исчезни Россия, Россия моя!

Тем не менее через 10 лет я писал о России:

Люблю, люблю, люблю!¹

---

¹ Белый: Стихи о России. «Россия» (1908) Стихи о России. «России» (1918)

ВОСПОМИНАНИЯ О ШТЕЙНЕРЕ

Чувство родины все же не имеет в себе человеческого объекта; в сыновней любви к доктору Штейнеру изживаю я конкретную любовь: от человека к человеку; и мне стыдно стыдиться естественных чувств и застегивать пуговицы куртки своего; мало чем могу я гордиться: ряды окаяств моих вижу я с трезвостью; но в любви к родине и в любви к доктору Штейнеру может быть и все оправдание мое.

Так что легко отдаюся долгу моему: ИЗ ЛЮБВИ И СВОБОДЫ, в этих понятиях, едва сочетаемых, путь к осознанию которых — мучительность теорий, дан выход наш к цели культуры; загадка в нас десятая иерархия¹: ЛЮБВИ И СВОБОДЫ!

Что такое свобода, — мы смутно чувствуем; но утвердить это чуење даже на час не умеем; любовь вовсе смутно несем: но идем в воплощениях² к осознанию смутного чувства.

Лишь встретившись с личностью доктора Штейнера, тридцатилетний, я понял, что я не ведал свободы, не ведал любви, ни тем более, их сочетания; а я писал о любви; и писал о свободе; писатели, мы, — ни любви, ни свободы не знаем там именно, где проявление слов выражает себя в жизни личности; а переживания «ЯСНО» холодных голов и пылающих чадно сердец, — ни любовь, ни свобода; любовь в свободе, свобода в любви — пыл ума, уже погруженного в сердце.

Встреча со Штейнером была мне впервые встречей со СВЕТОМ ТЕПЛА, давшим пусть только миги узнаний; те миги, — основа пути «Я» в извечном. И коли я погас, то хоть был переполнен теплом, ощутив низлетание ясности зрения: в сердце; а коли БЫЛ, значит БУДУ: раз вспыхнувшее — не угасает.

И потому я, окидывая свое прошлое, в нем вижу будущее; и с решительною простотой убираю всякую гиератику только «УМА», или «СЕРДЦА».

Я знаю: не отразить «лика» личности; мои 300—400 страниц — для того, чтобы история извлекла из них несколько строк; но я не знаю я, что извлекаемо; и ваю без разбора все, что вспоминаю; то — краски

---

¹ Steiner'enseignait qu'outre les neuf hiérarchies spirituelles allant des Séraphins aux Anges, l'Homme était la dixième hiérarchie en gestation: celle de l'amour ou de la liberté.

² L'idée de réincarnation des hommes de corps humain en corps humain, est une donnée de base de l'anthroposophie.

Андрей БЕЛЫЙ

на палитру: будущему «ИСТОРИЧЕСКОМУ ПОРТРЕТИСТУ»; то — капля среди капель; уверен: ваю я «СЫРЬЕ» вместе с сотнями воспоминаний, написанных сотнями из многих тысячей, живо общавшихся с Штейнером: систематическое посещение его лекций 5 есть это общение; стало быть, каждый из слушателей загружен материалом; материал этот пишется, или написан, иль — будет написан.

Не мыслю, что этого материала не будет; что ложное самолюбие, ложное уважение, иль ложное самоковырянье лишат человечество материала воспоминаний к отбору истории нужных страниц; потому что: все знавшие Рудольфа Штейнера, долг свои исполнить — обязаны!

Это я знаю головой.

Сердце подсказывает и иное: поставить перед собой его образ; и вновь пережить его: «ПЫЛКО»; для тех, кто вступал с ним в общение, все есть предмет закрепления без выбора и без оценки; ведь личность Рудольфа Штейнера была такова, что просто не разберешься, где больше всего отразилось в мелочи сверкание непередаваемых его жестов: с кафедры, в интимной беседе, или в пыльном сарае среди ящиков и стружек строящегося «ГЕТЕАНУМА»¹, в шутке, или в изречении.

Чувствую косолапый зуд: забыв о «ПАРАДНЫХ» словах, пиетете, несостоятельности, поскорее схватиться за черновик; в эскизных альбомах художников вяпаны прямо, без всякой системы: здесь дерево, пересекающее кое — как схваченный профиль, глаза, нос, иль очерк близкий, и т.д.; эмбрионы линий, портретов, орнаментов; после художник уже выбирает, что нужно ему.

Ландшафты воспоминаний моих переполнены: и одной трети я не берусь охватить: то, это; и важное, неотразимое, и мелочи; но я заранее говорю: мелочи заранее передать всего легче.

Так я пишу: это только эскизный альбом; и пишу из свободы (охота здесь пуще неволи); пишу из любви, как опишется: вовсе бесчинно, бесстыдно; картина ж восстанет в отборе лишь сотен воспоминаний, меня поправляющих и дополняющих. Мне же напяливать на материал выставочную и смешно, и нелепо.

---

¹ Le premier «Goetheanum», essentiellement destiné à des représentations artistiques au sens de Steiner, fut fondé le 20 septembre 1913. Il fut détruit par un incendie dans la nuit du Nouvel An 1923.

ВОСПОМИНАНИЯ О ШТЕЙНЕРЕ

Вот что разрешает меня в непредвзятость; системы в записях моих быть не может; «СИСТЕМАТИЗИРОВАТЬ» личность Штейнера — где мне! И коли в сырых материалах есть главы с заглавиями, так потому это, что сами главы — разделы: для пауз; не высыпаемы без разделов потоки страниц. Все заглавия совершенно случайны; не могут служить они гранями тысячегранного. Каталогизировать Штейнера в «ПРОЯВЛЕНИЯХ» — значит дать сотни глав; эти грани составятся из сотен воспоминаний сотен людей, а вовсе не из моих.

Главные моменты воспоминаний — НЕЗАПИСУЕМЫ; гуи любовь, и знание, что все о нем должно быть сказано, уже отступают: ДОКТОР ШТЕЙНЕР НАЧИНАЛ ГОВОРИТЬ В СЕРДЦАХ ТОГДА ИМЕННО, КОГДА УЖЕ ВСЕ СЛОВА БЫВАЛИ ИСЧЕРПАНЫ.

2

Миг первой встречи с Рудольфом Штейнером¹ поднял в душе моей уже тему воспоминаний, встречаясь с мигом воспоминаний; когда ушел в Вечность он, я, вспоминая его, понял, что первый миг встречи сказался во всем, что мелькнуло в годах.

Идеология, — к ней уже шел я неверными очень шагами; в страну его мыслей; до встречи с ним; позднее лишь вычертилась проверка, критическое осознание идейных согласий своих. Идеология сказывалась и после, и ДО первой встречи; не ею определялась воля моя; весь размах его деятельности и все бывшее в последующих годах — сквозь все это для меня вырастал он; усугублялись смыслы его указаний.

В миг первой встречи все то, что раскрылось в годах, — еще немо таилось; слова потерялись; и не было вовсе риторики чувств; то, что я пережил, было волей моей; из свободы совершить некий акт; он совершился стремительно, но как — то мягко, без всякого катастрофизма; катастрофизм был и после и ДО; «ДО» я жил в перманентной катастрофе — от осознания выветренности и идей, и словес, составляющих быт нашей жизни в России. — «Не то», — говорил я себе, углубляясь в весьма интересные книги, общаясь с весьма интересными личностями; я не мог до конца сказать «ДА» никакому течению из силившихся

---

¹ le 6 mai à Cologne.

Андрей БЕЛЫЙ

себя строить конкретно; я ждал годы томительно до осознания пути своего; и конкретно своей мысли не мог провести в свою волю; и воля, цветок не раскрывшийся, молча росы ждала, чтобы раскрыться; меня упрекали в безволии там, где из частичных согласий с идеями делалось заключение и о совместном пути; так что «БЕЗВОЛЬЕ» мое было волею к трезвому, вполне СВОБОДНОМУ выбору; вдруг, как бы основа самой моей воли, раскрылась во мне от сознания, мгновенного, как от сияющей солнечной теплотой капли росы, павшей в душу мою; из ума моего от всей трезвости, выстоянной в годах жизни.

Потом стало ясно, что воля — введение сознания в слепое начало, которое в ощущениях извне считаем за волю в себе.

Этот акт сознания прозвучал в слове, в коротком: «ТО», «ДА». Инстинктивно же произносимое мною в годах «Нет — не то» (Соловьеву, Бердяеву, Блоку, Э. Метнеру¹, Канту и Риккерт, и «ОККУЛЬТИЗМУ», и механизации, общественности, теологии, иль «теософии» и т.д.) — было формой борьбы моей воли за путь, за свободу, сжимаемую здесь формальными императивами «ДОЛГА» (одной головой), здесь влечением «ЧУВСТВА» слепого. Но деятельность из «ВЛЕЧЕНИЯ», или из убеждения абстрактного, уж исчерпалась во мне; и над нею стояло: «НЕ ТО».

В годах ждал я своей резолюции: «ДА».

О том чаемом «ДА» я писал за три года до встречи со Штейнером: «Все, чего добиваемся мы в творчестве, само по себе не имеет ни смысла, ни ценности. Обыденная наша жизнь? Но ее распыляет наука. Пылинки жизни? Но они игра нашего познания. Познание? Но оно — в долге. Долг? Но долг в творчестве. Творческая форма? Но ее ценность в процессе созидания. Созидание форм? Но оно в превращении себя в... подобие богов. Боги? Но они — эмблемы иного. Тут слетают с нас все сившиеся нам сны: бытие, наука, познание, искусство, религия, этика, теософия, ... мы ... в абсолютной пустыне ... и по мере нашего по-

---

¹ Medtner, Emili: président de la Société Goethe en Russie; ami de Biélyi dès 1901, il fut membre du Cercle des Argonautes; a publié une vive critique de Steiner spécialiste de Goethe, ce à quoi répondit Bielyi non moins violemment dès son départ de Dornach en prenant la défense de Steiner. (Рудольф Штейнер и Гете в мировоззрении современности. Ответ Эмилию Метнеру на его тому «Размышлений о Гете».)